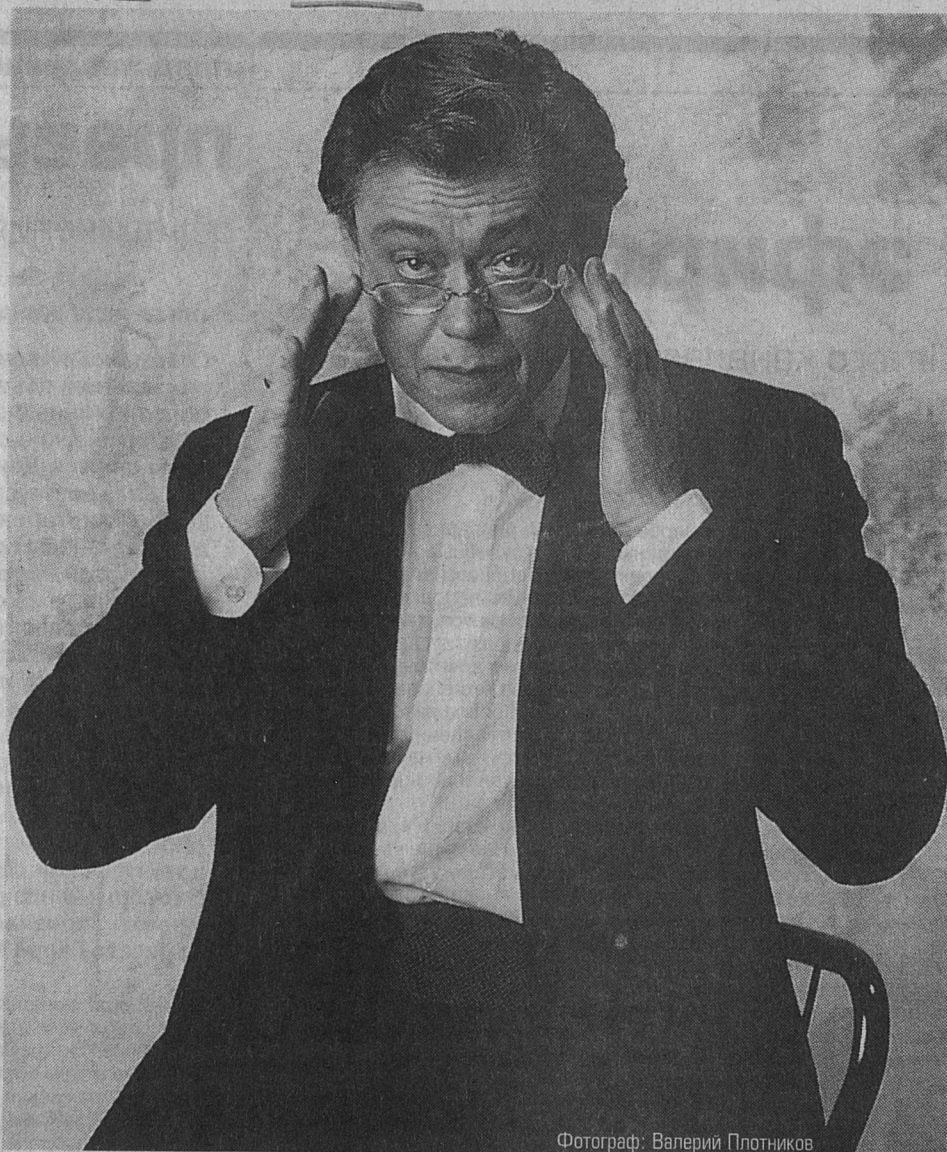

“Включаю автоответчик, а там сто двадцать одно сообщение”

Николай Караченцов — Газете

Фотограф: Валерий Плотников

Николаю Караченцову, актеру, которого любит вся страна, сегодня исполняется 60 лет. За несколько дней до юбилея артист, назначивший интервью, метеором носился по театру, занимаясь всем сразу и общаясь с пятью-шестью людьми одновременно. Чтобы несмотря ни на что довести Караченцова до ленкомовской гримерки и все-таки задать ему несколько вопросов, корреспонденту Газеты Глебу Ситковскому понадобился целый час и много терпения.

Николай Петрович, мои коллеги...

(Телефонный звонок. Караченцов берет трубку.) Але! Он! Леша, привет! Зашиваюсь, не могу говорить! Режиссер кто? Уточните, пожалуйста, кто режиссер, чтоб я знал, откуда выходить, где стоять. *(Пауза.)* Пускай они стоят на служебном входе, и скажите, чтоб группа меня полчаса подождала. Обнимаю, пока! *(Отбой.)* Так о чем это мы с вами?

Вы знаете, Николай Петрович, коллеги, которым доводилось брать у вас интервью, жалуются на вас.
Это на что же?

Говорят, вы даете свои интервью с пулеметной скоростью, шпарите так, что даже с вопросом трудно встрянуть.

Это потому, что, во-первых, дел своих хватает без вас. А во-вторых, некоторые вопросы повторяются и, честно говоря, неохота мучиться, чтобы заново формулировать, раз уж у меня есть готовый ответ на вопрос. Че-

ловек иногда только рот раскроет, а я уже знаю, что надо ответить.

У вас только с журналистами выработались сверхбыстрые реакции или вы от природы такой энерджайзер?

Мне как раз вчера ваша коллега сказала, что пообщалась с ребятами из театра и они ей сказали, что у меня кличка такая — Энерджайзер.

Я не знал, честное слово.

Так и я не знал! Ну Колясик зовут или там Петрович... А про Энерджайзера не знал.

У вас всегда такой темперамент был?

Да дело не в темпераменте даже, а в ритме жизни. Я же понимаю, что давать интервью входит в мою профессию. Но... *(Телефонный звонок. Караченцов берет трубку.)* Але! Да! У себя! Только не говори никому, что я здесь! *(Отбой.)*

«Я обязан играть каждый спектакль так, будто он последний в жизни. Можно себя сегодня слегка подэкономить, завтра — а послезавтра, когда захочешь сыграть в полную силу, вообще уже не получится ничего»
Николай Караченцов — Газете

“Включаю автоответчик, а там сто двадцать одно сообщение”

01 СТ

Неужели никогда не напрягает этот сумасшедший ритм? Вы вообще расслабляетесь?

Да нет... Бывает, конечно, иногда желание бежать, уединиться, закрыться. На природе вот хорошо. Но не всегда это получается, и бывает, что по несколько месяцев без выходного дня. Но я не жалуюсь ни в коем случае. И если вам кто-то скажет, что ему надо ели поклонники, журналисты, съемки, главные роли в театре, — не верьте. Кокетничает, врет. Девяносто восемь процентов артистов мечтают о такой жизни. Спасибо Богу, судьбе, Захарову, театру, что я могу жить такой жизнью.

Если завтра скажут, что можно немного отдохнуть, вас это не порадует?

Нет, ну на один денек можно бежать и извлечь максимум радости из этого дня. Но если это растянется на неделю, то уже на третий-четвертый день я перестану понимать, что происходит. Я как-то раз разговаривал с Евгением Павловичем Леоновым, и он говорил мне, что много работы, наложились одна на другую четыре картины. И тут же, подумав, сам себя опроверг. «Ты знаешь, — сказал он, — как-то раз три дня не было ни одного телефонного звонка. Я так испугался!» Это он-то, такой востребованный актер, который везде снимался... (Смотрит на телефон.) О, пока мы с вами треплемся, уже пять сообщений на телефон пришло.

Здорово. Но я продолжу. Мне видится одна психологическая нестыковка, которую вы мне сейчас, возможно, разъясните. С одной стороны, вы всю жизнь находите в бешеном неостановимом движении, а с другой — всю жизнь служите в одном театре. Ведь, как правило, ничего не менять в своей жизни свойственно людям спокойным и флегматичным, а холерики, подобные вам, любят крутые повороты, любят резко менять свою судьбу. Здесь два вопроса, я попробую ответить на оба. Я по природе ленив. Если бы я занимался другой профессией — ну, например, был бы художником, как мой отец, — то не написал бы ни одной картины. Искать мольберт, холст, откладывал бы начало работы на завтра, прикидывая, что сегодня лучше сосредоточиться и полежать. Сейчас же я занимаюсь работой, которая сама находит меня. Моя задача — найти золотую середину, от какой-то работы отказаться, на что-то согласиться. Но если я уже согласился, то меня будут обзванивать и говорить: завтра у вас съемка, послезавтра запись, а во столько-то — вылет самолета. Я, конечно, сам себя закручиваю, но такие условия мне подкидывает моя жизнь, моя профессия. А что касается перехода в другой театр, то это совсем другой вопрос. Я очень люблю свой театр. Где еще вы найдете такую сильную труппу? Я никогда не хотел уйти из «Ленкома». Надо испытать что-то очень тяжелое, получить как следует по морде, чтобы решиться уйти отсюда в никуда. Не хочу сказать, что у меня все всегда было так уж безоблачно. Но сцена этого театра для меня родная, она мне нравится. Я играю сейчас в четырех спектаклях, и это немало. Это здорово.

Но вряд ли за тридцать лет вашей работы в театре вы, пользуясь вашими словами, ни разу не получили «по морде». Такого просто не бывает.

Получал очень много раз. Но ведь есть негласное правило в профессии. Если тебе делают замечание, значит, верят, что ты можешь что-то в себе изменить. А вот если не делают замечаний, то это опасный симптом. Поэтому то, что мы получаем, а иногда даже и незаслуженно получаем... (Телефонный звонок. Караченцов берет трубку.) Але! Он! (Пауза.) У меня нет сейчас неформальной обстановки вообще. Завтра и послезавтра спектакли играю. А опять снимать меня за кулисами, как я выхожу на сцену, вряд ли интересно. О! Вы можете снять мой проход по улице. Только проход, не спрашивать ничего. Прошел и пошел. Целую, пока! (Отбой.)

Понимаете, дело ведь в том, что лицо театра определяет лидер. В театре «Ленком» лидер — Захаров, собравший наиболее звонкую актерскую команду. Главное, что он сумел создать такую атмосферу, при которой можно радоваться успеху другого. В нашей профессии есть ведь еще такой закон: заставь себя радоваться за партнера, если у него удачно выходит роль. Как только ты в душе порадуешься его провалу, ты сам станешь хуже играть. Мы связаны на сцене. Несмотря на все шуточки про «террариум единомышленников»... Еще говорят «сотрупи-

ки», а сбор труппы — Иудин день. Но ведь в обычной семье тоже не все каждый день друг другу улыбаются, а бывает, что и сквородки летают...

Театр, что там про него ни говори, — это конвейер. Каждый день спектакль, и влияние каждодневной рутины обязательно рано или поздно дает о себе знать. Что должен делать актер, выходя каждый день на сцену, чтобы не чувствовать себя конвейерным изделием?

Это не объяснить человеку, который будет читать это интервью. Чтобы это понять, надо поступить в Школу-студию МХАТ, потом в театр... Это все равно что попросить физика простыми словами объяснить формулу, над которой он бился многие годы. Есть закон. Я обязан играть каждый спектакль так, будто он последний в жизни. Можно себя сегодня слегка подэкономить, завтра — а послезавтра, когда захочешь сыграть в полную силу, вообще уже не получится ничего. Организм запомнит это расслабленное состояние, и, как бы я ни старался себя вздрючить, будет истерика вместо темперамента, не будет органики и легкости. Вторым законом — играй каждый спектакль так, как будто он первый. Чтобы ни один зритель не почувствовал, что артисту эта роль давным-давно обрыдла и он с ненавистью наливает на себя этот костюм, выходя на сцену. Если такое происходит, нужно тут же прекратить играть эту роль или вообще уйти из профессии, потому что в моей профессии есть еще и третий закон: я обязан влюбиться в свою роль.

Вы часто учитесь новому?

Стараюсь — постоянно.

Чему вы научились за последнее время?

(Задумывается.) Ну вот не знаю, видели ли вы меня когда-нибудь по телевизору с детьми, которые стучат степ. Это школа искусств, которую я опекаю. И они меня этому учат. Ну вместе учимся, конечно. Есть такой педагог Николай Александрович Астапов, который меня спровоцировал на это. «Учись», — сказал он мне. И мне это интересно. Как только актер решит, что он все умеет, ему надо уходить. Захаров говорит, что актер обязан каждые пять лет обновлять арсенал своих выразительных средств. В первых, мы все меняемся. Представьте даму шестидесяти лет, которая использует те же краски, которыми она пользовалась в 15. Это же ужас будет. Во-вторых, меняется жизнь, мир вокруг нас, а в том числе и манера актерской игры. Нельзя отстать. Поэтому надо все время что-то открывать, учиться. Каждая новая роль — это белый лист. (Телефонный звонок. Караченцов берет трубку.) Але! Привет, родной! Ну как дела-то? Мне сейчас не очень удобно говорить. (Пауза.) Не знаю, когда буду в следующий раз в Китае, но разговоры об этом идут. Вы еще долго в Москве? Не забывайте меня, и милости прошу в «Ленком». Пока, пока! (Отбой.) Вы понимаете, я всегда стараюсь, чтобы мои герои были не похожи на тех, что я играл раньше. Другое дело, что каждая роль все равно пропускается через меня, через мои нервы.

Подсматриваете что-то в жизни?

Всегда. Когда я был маленьким, моя мама учила меня, что неприлично подглядывать. Вообще неприлично! Неприлично заглядывать в чужие окна и так далее. А в институте нам стали говорить: вот вы шли на лекцию, заглянули в окно и теперь расскажите-ка, какая профессия у этих людей? Как давно они живут вместе? Меня провоцировали, чтобы мой глаз уловил то, что мне нужно, потому что мой предмет изучения — это человек. И в науке, кстати, самое большое белое пятно — это человек, и вся медицина узнала только ничтожную долю того, что на самом деле есть человек.

Часто отказываетесь от ролей в кино, если они повторяют прежние?

Конечно. Вот пример: картина «Человек с бульвара Капуцинов». Это была моя первая совместная работа с Аллой Суриковой. Она мне сначала предложила совсем другую роль, а я отказался, сказав, что я уже такое играл. Она говорит: ну почитайте сценарий, кого бы вы там хотели сыграть? Я ей сказал про ту роль, которую в результате сыграл Табаков. Там краски для меня есть интересные, неожиданные. Но добавил: будь я на вашем месте и имей такого артиста, как Табаков, я сам бы предложил роль ему, а не себе. И еще, сказал я ей, мне бы очень хотелось сыграть Билли Кинга. Но у вас там написан совсем другой человек — человек-гора, добрый увалень, который всех одним пальцем ломает. Его должен играть актер типа Бориса Андреева, каким он был в молодости. Так

Николай Караченцов: «Мой предмет изучения — это человек. Вся медицина узнала только ничтожную долю того, что на самом деле есть человек»
Фотограф: Екатерина Штукина/Газета

газета

мобилизован Ленинским комсомолом

Николай Петрович Караченцов родился в Москве 27 октября 1944 года. Отец — художник-график, много лет проработавший в «Огоньке»; мать, Янина Брунак, — балетмейстер. В старших классах стал заниматься в самодеятельной студии при ЦДТ, в 1963 году поступил в Школу-студию МХАТ. В 1967 году «Ленком», откуда в это время ушел Эфрос с командой, испытывал дефицит в молодых актерах и обратился к руководству Школы-студии МХАТ за помощью. Так выпускник Караченцов по распределению попал в труппу Театра имени Ленинского комсомола. Сыграл ряд ярких ролей в театре Марка Захарова, в том числе в спектаклях «Тиль», «Юнона и Авось», «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», «Гамлет», «Sorry», «Шут Балакирев». Всенародную славу принесли ему роли в фильмах «Старший сын», «Собака на сене», «Трест, который лопнул», «Человек с бульвара Капуцинов». Среди последних работ — роли в телесериалах «Королева Марго», «На углу у Патриарших», «Досье детектива Дубровского». Народный артист России.

что, говорю я ей, не получится у нас с вами ничего, Алла Ильинична. А через день она мне звонит: давайте будем пробоваться на Билли. (Телефонный звонок. Караченцов берет трубку.) Але! Он! Нету! Ночью! Утром! Ищите с девяти до одиннадцати! Сейчас — кошмар! Целую нежно! (Отбой.) Вы представляете, вчера поздно пришел домой после спектакля, включаю в три часа ночи автоответчик, а там сто двадцать одно сообщение! Причем телефон у меня такой, что не предусматривает такого количества и поэтому сообщает мне сначала: «У вас больше двадцати сообщений». Это как в древней Руси: все,

что больше десяти тысяч, — это тьма. Начал слушать — сто двадцать одно! Ну ладно, давайте дальше спрашивайте!

Надо кормить семью, не правда ли? Приходится иногда соглашаться на то, что не нравится?

К счастью, пока что деньги на все купленное мною в доме заработаны только моей профессией. Бывают предложения по бизнесу, еще что-то... Отношусь с опаской. Во мне нет коммерческой жилки. Есть люди, у которых получается, а у меня — нет. Организовать фирму или производство — это не для меня.

Но вы же азартный человек.

Ну да... Но чем я в этом бизнесе буду заниматься?

Этикетку с лицом можно на какую-нибудь бутылку наклеить.

А мне предлагали. У меня выходила кассета с моими песнями, и ее называли «Высший пилотаж» — по названию одной из песен. И мне предложили: давайте выпустим водку с таким названием. Я им говорю: вы меня неправильно поняли. «Высший пилотаж» — не в этом смысле (делает характерный «водочный» жест), а в смысле профессии. Так и не решился. Если уж соглашаться на бизнес-предложения, то только от кого-то очень близкого. А вдруг какое-то темное дело? А вдруг вляпаюсь куда-то? Но никогда ни одного творческого человека я не упрекну в таких вещах, потому что знаю, как бедно живут актеры. О себе же могу сказать одно: если завтра появится какое-то интересное предложение, да еще хоть немного связанное с искусством, то почему бы и нет?

Актерская профессия — это то, чем вам хотелось заниматься всегда-всегда? Нон-стоп? Без перерывов?

С того момента, как я пришел 1 сентября в Школу-студию МХАТ, и до сегодняшнего дня. У меня биография-то всего в три строки. Школа, институт, «Ленком». И мне так это нра-а-авится!